

Ксана

ЗАМЕРШИЕ НИТИ

китайские притчи театра теней

Ксана Ксана

Замершие нити

<https://litres.ru/74491973>

SelfPub; 2026

Аннотация

Добро пожаловать за кулисы старинного китайского подворья. В полумраке зала горит лишь одна масляная лампа, озаряя ровным янтарным светом белое полотно ширмы. Хранительница театр Мэй поднимает бамбуковые трости, и замершие кожаные куклы оживают, уводя зрителей вглубь древних легенд.

«Замершие нити» — это сборник мудрых философских сказок-притч, рассказанных на языке теней. Каждая история в спектакле — отдельное погружение в атмосферу Древнего Китая, где сталкиваются гордость правителей, коварство злых духов Яогуаев и невидимая воля богов. Вместе с героями читателю предстоит пройти через выжженные тропы и дикие Чёрные скалы, отыскать Красную нить судьбы лунного старца Юэлао и увидеть, как посреди мутной реки распускается ослепительно чистый фонарь-лотос.

Позвольте огню лампы рассеять мрак. В этих историях нет лобовой морали — лишь тихая восточная мудрость, способная растопить самый прочный лёд в человеческом сердце.

Содержание

Журавль	4
У подножья Синих скал	8
Последняя лепёшка	13
Белый шёлк	18
Золотая клетка	21
В диких Черных скалах	26
Город из жёлтой глины	30
Благословение лунного старца	34
Комок грязи	38
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Ксана

Замершие нити

Журавль

За кулисами было темно. Мэй ждала, пока в зале утихнет гул. Зрители занимали места, переговаривались и шуршали одеждами. Они принесли с собой дневную суету.

Мэй зажгла масляную лампу. Белое полотно осветилось изнутри тёплым желтоватым светом. Она подняла бамбуковые трости и за ширмой появилась первая фигура.

На холсте зрители увидели плоский чёрный силуэт птицы, с поднятыми вверх крыльями. Чётко читалось — журавль. Гул в зале сразу прекратился. Мэй заговорила не своим привычным голосом, а чуть ниже и медленнее, как требовало представление.

— Вы смотрите на меня, но не видите полностью. Вы видите плоскую фигуру, которая замерла на холсте. Вам кажется, что я не двигаюсь, потому что у мастера за кулисами застыли руки. Но я замер, потому что такова природа вещей. Вы привыкли бежать, надеясь обогнать солнце, но мир устроен иначе. Горы не сходят со своих мест, реки не ускоряют шаг, а небо не падает, когда вы спешите.

Тень Журавля на полотне ширмы медленно повернула го-

лову.

— Недавно я видел двух людей у подножия гор. Линь и Чэнь учились у одного мастера и оба хотели занять место главного писца у местного старосты. Староста был стар, его зрение слабело, и он искал преемника. Тот, кто первым принесёт ему готовый переписанный свиток с древними законами, тот и получит эту должность. И они начали работу.

Тень Журавля сделала взмах крыльями, и Мэй плавно сместила куклу в угол ширмы. В центре холста появились новые силуэты: очертания скромных домов, столы и фигурки двух склонившихся над бумагой людей.

Журавль продолжал говорить, ведя зрителя за собой:

— Линь решил, что скорость решит всё. Он не смыкал глаз, писал при свете дешёвых лучин и торопился закончить свиток за три дня. Его пальцы сводило судорогой, на бумагу летели брызги туши, а знаки выходили неровными. Он не думал о смысле слов, он думал лишь о дороге, которую ему нужно преодолеть до дома старосты. На четвёртое утро, едва просохли последние чернила, Линь схватил свиток и побежал к старосте.

За ширмой фигурка Линя стремительно двинулась вдоль холста. Навстречу ей, плавно и неторопливо, вышла кукла Чэня.

— Чэнь поступил иначе, — ровный голос Журавля разносился по затихшему залу. — Он садился за стол только с чистыми мыслями. Тщательно выводил каждый знак, вы-

веря нажим кисти. Когда его руки уставали, он вставал и смотрел на реку. Сверстники смеялись над ним и говорили, что должность уже упущена. Чэнь не спорил. Он знал, что спешка размывает внимание, а старый староста всю жизнь ценил закон и точность. Чэнь закончил работу только к исходу недели.

Мэй аккуратно опустила на полотно ширмы тень фигуры пожилого человека в длинных одеждах. Спектакль продолжался.

— Линь прибежал первым, задыхаясь от усталости. Он с гордостью развернул свой свиток. Староста надел очки, долго вглядывался в небрежные, смазанные знаки и качал головой. Из-за спешки Линь пропустил целый трактат о налогах — самый важный для управления. Староста молча свернул испорченную бумагу и указал Линю на дверь.

Тень Линя покорно исчезла в темноте за ширмой.

— В этот момент в ворота старосты спокойно вошёл Чэнь. Его свиток был безупречен.

Фигурки писцов и старосты исчезли. На холсте снова осталась лишь одна тень. Журавль медленно опустил крылья.

— В тот день Чэнь занял место писца, а Линь вернулся к началу своего пути. Лишь река у подножия гор продолжала течь так же, как текла сотни лет до них.

В зале стояла полная тишина. Никто не шевелился.

Мэй плавно увела фигурку Журавля вниз, за рамку ширмы, и задула масляную лампу. Полотно погасло, вернув ком-

нату в темноту. Но зрители ещё долго оставались на своих местах, глядя на опустевшее белое полотно.

У подножья Синих скал

За кулисами бамбуковой ширмы было прохладно. Мэй сидела на низком табурете, бережно перебирая кукол для следующего представления. Ей предстояло оживить историю о далеких Синих скалах, и пальцы девушки коснулись фигурки старика из тонкой, почти прозрачной ткани. На запястье куклы мастера прошлого века закрепили крошечную нить с синей лазуритовой бусиной. Она казалась каплей застывшего ночного неба.

По ту сторону полотна ширмы зрители заждались. После первой истории они спорили чуть тише, но суета все ещё чувствовалась в зале. Люди торопили начало, переговаривались и не умели ценить паузы.

Мэй улыбнулась. Она поправила фитиль масляной лампы. Натянутый холст вспыхнул тёплым золотом. Девушка подняла трости, и на ширме появились очертания Синих скал и бамбуковых хижин.

Зрители притихли. Мэй заговорила, её голос был ровным, неторопливым и гулким, словно капли воды, падающие в пустой кувшин. Спектакль начался.

— В деревне у подножия Синих скал каждого знали по прозвищу, — прозвучало за полотном.

На ширме появился плоский силуэт со сгорбленной спиной. На его тонком резном запястье едва заметно покачива-

лась бусина.

— Старого лекаря звали Глухой Бамбук. Он почти никогда не открывал рта, а на любые вопросы лишь кивал или качал головой. На его руке всегда были намотаны тяжёлые чётки из темно-синего лазурита. Когда старик шёл, камни тихо стучали друг о друга, и этот стук был единственным звуком, который он издавал. Жители считали его чудаковатым и неопасным.

С другого края полотна Мэй стремительно вывела вторую куклу — высокую, с поднятым вверх бамбуковым шестом и широко раскрытым в крике ртом.

— Его полной противоположностью был Громкий Клык — лучший ловец змей в округе. Его голос разносился над рисовыми чеками с раннего утра. Громкий Клык часами рассказывал в чайных о своих подвигах, поучал молодых охотников и утверждал, что знает повадки любого гада в Поднебесной.

Декорации на ширме сменились. Мэй опустила полосы тонкой кожи, превратив холст в густую бамбуковую чащу.

— Осенью в роще завелась редкая призрачная гадюка. Её укус лишал человека рассудка, а чешуя сливалась с сухими листьями так, что заметить её было невозможно.

Мэй резко перехватила трости. По правому краю полотна скользнула плоская тень ворот, у которых тут же заплясали силуэты перепуганных крестьян. В самый центр, расталкивая остальных, ворвалась высокая фигура с шестом. Мэй

глубоко вдохнула и закричала изменённым, хвастливым голосом ловца змей:

— Я найду её к полудню! Змеи боятся смелых людей. Я выкурю её из любой норы!

Девушка плавно повела руками. Тень деревенских ворот медленно уплыла во тьму, а резные бамбуковые стебли призрачной чащи поплыли навстречу фигуркам людей. Мэй мерно покачивала трости кукол, создавая иллюзию долгого пути сквозь лес.

— Громкий Клык шумным шагом двинулся в чащу, — продолжила она уже прежним, спокойным тоном. — Он раздавал советы шедшим позади крестьянам. Его крики пугали птиц, а эхо разносилось между стволами. Глухой Бамбук молча шёл позади всех, привычно перебирая гладкие синие камни на запястье. К полудню они вышли на сухую поляну. Ловец змей увлёкся собственной речью и не заметил, как шорох его собственных шагов и громкий голос заглушили едва слышный свист в траве.

Мэй ловко подвела сверху тонкую извивающуюся нить — тень призрачной гадюки поднялась над сухими листьями прямо за спиной охотника. Ловец змей продолжал говорить, повернувшись к толпе. Крестьяне на ширме застыли в ужасе.

— Сквозь громкую речь ловца змей, которую нарушал только едва заметный для него самого стук лазуритовых чёток, вперёд шагнул Глухой Бамбук. Старик, чей слух годами настраивался на тишину леса, сумел различить змеиный

свист и движение чешуи о землю даже сквозь чужие крики — задолго до того, как змея приготовилась к прыжку. Его рука в широком рукаве двигалась беззвучно. Ловкие пальцы перехватили шею гадюки в пяди от спины Громкого Клыка.

Фигурка охотника на полотне резко развернулась и замерла. Опущенный шест задрожал.

— Охотник обернулся и осёкся. Его лицо побледнело, а слова застряли в гортани. Глухой Бамбук аккуратно опустил ядовитого гада в свой кожаный мешок и впервые за много лет посмотрел ловцу змей прямо в глаза.

Мэй сделала глубокую паузу, давая залу прочувствовать этот момент безмолвия.

— Старик не произнёс ни слова, — тихо продолжил голос за ширмой. — Он лишь молча повернулся к лесной тропе и пошёл обратно в деревню.

Резные стебли бамбука медленно уплыли за край ширмы. Мэй плавно повела поводья кукол, уводя силуэты людей вслед за стариком. На опустевшем светлом полотне на мгновение застыла лишь фигура Громкого Клыка с опущенным шестом, прежде чем тоже скрыться в темноте.

— Крестьяне молча двинулись обратно в деревню. Громкий Клык шёл позади всех, и до самых ворот никто больше не проронил ни слова.

Мэй плавно увела последнюю куклу вниз и задула масляную лампу. Полотно ширмы погасло. Снова воцарилась темнота, а в зале по ту сторону ткани люди ещё очень долго си-

дели в тишине.

Последняя лепёшка

В зале было тихо. Зрители всё ещё помнили безмолвный финал прошлого спектакля, и в тишине ожидали. Никто больше не суетился и не шуршал.

За кулисами Мэй аккуратно положила на ладонь новую фигурку. Силуэт хрупкой на вид девушки. Полотно ширмы снова окрасилось тёплым жёлтым светом масляной лампы. Мэй подняла бамбуковые трости, и на белом холсте появились очертания покосившейся хижины и хрупкой девушки.

Спектакль начался.

Голос Мэй за кулисами звучал негромко, но его было слышно в каждом углу зала.

— Времена бывают лёгкими, подобно весеннему ветру, а бывают тяжёлыми, подобно затяжной непогоде. В глухой провинции, где земля в тот год была лишь из камней и сорных трав, жила одинокая девушка. Её звали Сюэ. Год выдался для неё самым тяжёлым: запасы риса подошли к концу, крыша хижины протекала от бесконечных дождей, а в очаге давно остыла зола. Голод и одиночество сковали её жизнь. Сюэ казалось, что эта беспросветная нужда никогда не закончится.

На полотне ширмы Мэй ловко покачала куклу девушки, которая бессильно опустилась на колени у холодного домашнего алтаря. За краем полотна послышались глухие удары —

Мэй постучала бамбуковой палочкой по дереву, имитируя раскаты грома и шум бури. Затем она резко опустила сверху ширмы очень тонкие, колеблющиеся полосы тёмной кожи, создавая на белом полотне иллюзию сплошных потоков ливня и яростных порывов ветра, налетевших на хижину. Вместе с бурей на полотно опустилась темнота — Мэй отодвинула лампу, оставив лишь узкий, колеблющийся луч света, похожий на грозное небо.

— Ночью, когда ливень и ветер грозили сорвать последние доски с крыши, в дверь Сюэ отчаянно и еле слышно постучали.

Мэй вывела на ширму тень новой фигуры — изнеможённого путника, который едва держался на ногах и опирался на сломанный посох. Он упал прямо у порога.

— Сюэ едва могла подняться от слабости, но открыла засов. На пороге лежал человек, укутанный в промокший плащ. Он был без сознания и едва дышал. В доме у девушки не осталось ничего, кроме горсти сухого чая и последней лепёшки, которую она берегла для себя. Сюэ понимала: если она отдаст этот хлеб, то сама останется ни с чем. Но, глядя на умирающего, она без колебаний развела в очаге слабый огонь из последних щепок, размочила часть лепёшки в горячей воде и по каплям влила её в сухие губы путника.

Мэй плавно переместила бамбуковые трости, и на ширме тень Сюэ медленно потянула изнеможённую фигуру вглубь хижины. Одним точным движением девушка уложила силу-

эт путника на циновку. Свободной рукой Мэй поднесла маленькую бамбуковую лучину прямо к изнанке очага. На полотне взметнулись резные искорки огня, и хижина изнутри осветилась чуть ярче. Она мгновенно озарилась живым, колеблющимся светом разгоревшегося пламени. Сюэ устроилась у циновки, и на полотне её тень замерла в недвижимом ожидании.

— Всю ночь буря сотрясала дырявую кровлю. Сюэ не смыкала глаз. Она сидела у циновки чужака, поддерживая в очаге едва заметное тепло и прислушиваясь к его прерывистому дыханию. К утру, когда ливень наконец утих, путник пошевелился и открыл глаза.

Мэй аккуратно погасила догоревшую лучину и плавно пододвинула лампу обратно и слегка повернула её, меняя угол света. На ширме густая ночная темнота отступила, уступая место рассветным лучам, заливающим всё полотно. В этом утреннем свете Мэй едва заметно качнула трость лежащей куклы, показывая, как путник медленно поворачивает голову.

— Свет раннего солнца пробился сквозь щели в бамбуковой стене и упал на исхудавшее лицо путника. Девушка наклонилась к нему и замерла, боясь поверить своим глазам. Из-под грязного капюшона на неё смотрел старший брат Ган, которого она не видела много лет и давно считала погибшим на чужбине.

На ширме Мэй бережно сблизила фигурки людей. Тень

Сюэ наклонилась к лежащему путнику, и их руки соединились в объятии на фоне светлого полотна. Зрители в зале затаили дыхание. Голос Мэй за кулисами стал мягче:

— Ган ушёл из дома ещё подростком, в поисках работы, и все эти годы от него не было никаких вестей. Отрезанный от родных краёв расстоянием, он не знал, что случилось с его семьёй. Но в эту ночь и непогоду судьба привела его именно к тому единственному порогу, где его были готовы спасти.

Голос Гана, озвученный Мэй, звучал слабо, но уверенно:

— Я искал тебя весь этот долгий год, Сюэ. Я работал на каменоломнях и на дальних заставах, терпел лишения, но сумел сберечь то, что заработал. Вчера ночью, когда силы окончательно покинули меня посреди бури, я увидел в темноте очертания старого дерева. Я не мог разглядеть его во мраке, но сердце подсказало, что это наш порог.

На полотне ширмы фигурка Гана протянула девушке тяжёлый кожаный мешок.

— Теперь в наш дом больше никогда не придёт голод. Мы сможем починить кровлю, купить семена и завести своё хозяйство. Мы больше не будем голодать и жить в нужде. Наша слива обязательно зацветёт как раньше. Вот увидишь.

Фигурки Гана и Сюэ на ширме замерли, обнявшись на фоне светящегося прямоугольника хижины. Буря на полотне окончательно утихла. Мэй мягко взмахнула рукавом, и мимо окон кукольного дома полетели первые резные лепестки, возвещающая о приходе весеннего тепла.

В зале стояла полная тишина. Никто не шевелился.

Мэй плавно увела трости кукол вниз, за деревянную рамку ширмы. Она наклонилась и лёгким выдохом задула масляную лампу.

Белое полотно мгновенно погасло, воцарилась темнота. Но в зале ещё долго царило глубокое, благоговейное тепло, словно огонь из маленького очага Сюэ согрел сердце каждого, кто сидел в этот вечер перед ширмой.

Белый шёлк

После истории о Сюэ и её брате люди в зале начали понимать, что ширма Мэй не просто развлечение. Она является зеркалом, в котором каждый может увидеть изгибы собственной судьбы.

За кулисами Мэй зажгла масляную лампу. Белое полотно очередной раз озарилось ровным, тёплым светом. Девушка подняла бамбуковые трости, и на ширме появились чёткие очертания оживлённой городской улицы с резными воротами частного театра.

История началась. Голос Мэй за кулисами звучал плавно и размеренно.

— Времена испытывают человека по-разному. Кого-то они проверяют голодом, а кого-то — отнятым делом. В торговых рядах большого города жил молодой мастер по имени Цинь. Он владел небольшим кукольным подворьем, где вырезал из дерева удивительных объёмных марионеток для своих представлений. Но в тот год соседний амбар расширили, и прямо перед фасадом подворья Циня возвели глухой деревянный навес. Первый этаж полностью погрузился в темноту, прохожие больше не заглядывали внутрь, а ремесло мастера остановилось. Большое окно его театра, бывшее раньше светлой витриной, теперь выходило в глухой сумрак под навесом.

Мэй резко опустила сверху ширмы широкую чёрную декорацию навеса. Яркая городская улица исчезла, и на полотне остался лишь узкий луч света, падающий из-за края холста. Вся комната Циня превратилась в тёмную коробку.

— Цинь был в отчаянии. Он целыми днями сидел в этой темноте у окна первого этажа, зажёгши лишь маленькую масляную лампу на верстаке. Однажды Цинь крутил в руках одну из своих деревянных кукол, считая, что навес навсегда лишил его будущего. Лампа отбросила от игрушки на стену тёмную, размытую и некрасивую тень. Цинь посмотрел на окно, затем на тень, и понял: если сейчас в его комнате темно, и за окном тоже сумрачно, то его окно изнутри может стать светящимся холстом для прохожих.

На ширме фигурка Циня подняла маленькую марионетку к оконному проёму. Мэй ловко наклонила дополнительную лучину, показывая зрителям, как свет бьёт изнутри комнаты на оконную раму.

— Цинь взял кусок тонкой ослиной кожи, которая оставалась в мастерской. Он вырезал из неё плоский, лёгкий и ажурный силуэт птицы, к которому прикрепил тонкие бамбуковые палочки для управления крыльями. Мастер натянул белый шёлк прямо на раму окна, поставил сзади лампу и прижал кожаную птицу к ткани.

Декорация на ширме изменилась. Окно первого этажа на полотне вдруг вспыхнуло ярким светом. Вокруг него по-прежнему царил сумрак под навесом, но внутри светящегося

оконного проёма задвигалась крошечная, изящная тень. У подножия подворья Циня на ширме начали собираться фигурки уличных прохожих.

— Люди на улице останавливались и застывали от изумления. Прямо перед ними, ярко вспыхнул белый шёлк в оконной раме, и на нём, точно живая, плавно и чётко летела тень птицы. На это волшебное окно у кукольного подворья Циня мгновенно начали собираться толпы. Глухой навес, который должен был погубить его ремесло, создал ту самую необходимую темноту и подарил городу первое представление театра теней.

Фигурки прохожих и само подворье медленно растворились в темноте по краям ширмы. На опустевшем полотне остался лишь один светящийся квадрат окна, в котором Мэй плавно опустила крылья кукольной птицы.

В зале стояла тишина. Зрители смотрели на светящуюся ширму, понимая, что прямо сейчас они сидят точно так же, как те уличные прохожие стояли у окна Циня сотни лет назад.

Мэй наклонилась и мягким выдохом задула масляную лампу. Полотно погасло, вернув темноту, но уже не мрачную, а готовую в любую секунду подарить новое чудо.

Золотая клетка

В зале зрители сидели молча, боясь нарушить тишину. Они всматривались в темноту ширмы, ожидая новой истории.

За кулисами Мэй аккуратно поправила фитиль масляной лампы, сделав его длиннее. Холст вспыхнул ровным, янтарным светом. Девушка подняла бамбуковые трости, и на ширме появились изящные очертания императорского сада с резными беседками и гнущимися ветвями ив. Затем подняла ещё трости и появились люди.

Рассказ начался. Голос Мэй звучал негромко, уводя зал за собой.

— В цветущей провинции у Великих озёр правил владыка по имени Янь. Он верил, что его власть абсолютна, а любое существо на его земле должно подчиняться его воле. Однажды Янь устроил пышный пир в своём саду. В самый разгар его помпезной речи на ветку старой ивы опустилась маленькая, невзрачная птичка. Она запела. Своим пением она перебила речь правителя. Её голос был сродни журчанию чистого весеннего ручья и привлекал большее внимание, нежели речи владыки.

На полотне ширмы появился силуэт небольшой птички, которая села на ветку ивы. Мэй покачала её хрупкий силуэт на ветке. С другого края холста стремительно выдвинулась

высокая фигура Яня с поднятой в гневном жесте рукой.

— Правитель был взбешён тем, что какая-то птаха смеет нарушать его речи и пышный пир. Не желая ни в чем разбираться, он авторитарно приказывает слугам поймать её и заточить в клетку. По его указу мастера принесли роскошную клетку из чистого золота. Слуги накрыли ветку сетью и заперли маленькую певунью за золотыми прутьями. Янь хотел, чтобы птичка пела только в его покоях и только по его приказу.

Мэй плавно подвела к центру ширмы декорацию золотой клетки. Маленькая птичка оказалась внутри.

— Но как только засов защёлкнулся, то на глазах у ошеломлённого правителя силуэт птахи внутри клетки вдруг начал терять очертания. Резные прутья осветились изнутри, и птичка превратилась в призрачный, извивающийся дым великого Дракона вод. Великий дух, обладавший силой крушить скалы и поворачивать реки вспять, не стал разрушать дворец заносчивого владыки. Его силуэт плавно скользнул сквозь золотые прутья, взмыл ввысь и полностью растворился в небе. Клетка осталась абсолютно пустой.

Мэй резко убрала дополнительный источник света. На полотне погасли яркие ивы сада, а вместо них снизу ширмы поднялись резные силуэты высохших, потрескавшихся стволов деревьев и холмов.

— На следующий же день беда пришла в провинцию. Колодцы опустели, реки отступили от берегов, а земля покры-

лась глубокими трещинами. Вода уходила, забирая с собой жизнь.

Мэй плавно убирала с полотна силуэты высохших холмов. На ширме появился роскошный тронный зал, где на возвышении восседала фигура Яня, а вокруг замерли миниатюрные фигурки его слуг.

— Впавший в ярость Янь приказал срочно достать воду или казнить всех, кто ослушается её найти. В этот момент в тронный зал вошёл старый мудрец по имени Ло. Старик опирался на сухую бамбуковую палку, но его голос заставил правителя замолчать.

Мэй вывела на ширму согнутую фигурку старика, которая остановилась прямо перед троном Яня. Голос Мэй за кулисами стал строгим и глубоким:

— Ты запер не птицу, Янь, — произнёс старик, покачивая головой, изменённым голосом Мэй. — Ты запер само сердце этих земель. Великий Дракон принимал облик малой, скромной птахи, чтобы не пугать людей своим грозным видом. Его песня питала каждый ручей, каждую реку и наполняла не только наши Великие озёра, но и чаши рисом. Теперь великий дух, оскорблённый твоей гордыней, покинул наши края. Если ты не найдёшь его в выжженных горах и не вернёшь — все умрут.

Фигурка Яня на полотне медленно опустила голову. Мэй плавно увела куклу старика Ло за границы ширмы, оставив правителя наедине с пустой золотой клеткой.

— Впервые в жизни Янь ощутил, как его абсолютная власть обратилась в полное бессилие перед обрушившейся засухой на его земли и погибающим от голода народом. Страх и стыд сломали его заносчивость. Правитель снял свои роскошные шёлковые одежды, отказался от охраны, взял в руки посох, кромку хлеба, хулу с водой и один ушёл в безводные, раскалённые горы.

Картинка на ширме пришла в движение. Очертания дворца скрылись, и навстречу одинокой кукле Яня поплыли острые, безжизненные скалы. Мэй покачивала фигурку правителя, показывая, как тяжело он ступает по выжженной земле, спотыкается, но упрямо продолжает идти вперёд.

— Семь дней и семь ночей он искал духа, стирая ноги в кровь и деля с крестьянами, которых встречал на своём пути, последние капли затхлой воды. Гордость покинула его сердце, оставив лишь изнеможение и искреннюю скорбь за свою провинцию и живущих в ней людей. На восьмое утро, добравшись до самой высокой и заброшенной вершины, где камни плавились от зноя, Янь увидел её. Маленькая птичка сидела на краю сухого обрыва и безмолвно смотрела вниз на умирающую долину.

Мэй бережно подвела куклу Яня к правому краю ширмы, где на вырезанном скальном уступе замер силуэт птахи. Правитель на полотне медленно опустился на колени.

— Янь склонил голову до самой земли и сказал: «Я хотел, чтобы ты служила моей гордыне», — прозвучал слабый, со-

рванный голос правителя, озвученный Мэй. — «Но теперь я умоляю тебя не ради себя. Спаси моих людей, мой народ в провинции. Возьми мою жизнь, если я прогневал тебя, но верни воду в долину.»

Мэй за кулисами замерла, удерживая кукол в полной неподвижности, давая залу прочувствовать этот момент.

Маленькая птичка вспорхнула с обрыва. И как только её лапки оторвались от камня, полотно ширмы засветилось ярким, ослепительным светом. Силуэт птахи мгновенно вырос, превратившись в огромный, извивающийся силуэт великого Дракона, который закрыл собой все небо над скалами.

Мэй резко опустила сверху тёмные кожаные полосы, и на выжженные холмы на ширме обрушились сплошные, тяжёлые потоки спасительного ливня. Озера на полотне мгновенно налились светом, возвращая жизнь иссохшей провинции.

— Огромный силуэт Дракона сделал прощальный круг над головой склонившегося правителя и растаял в тяжёлых грозовых тучах.

На ширме остался лишь большой светлый прямоугольник обновленной земли и Янь, одиноко стоящий под дождем.

В зале никто из зрителей не решался пошевелиться, словно капли этого кукольного грозового ливня сошли с холста и омыли душу каждого.

Мэй наклонилась к верстаку и задула масляную лампу. Белый холст мгновенно погас, погрузив зал в темноту, унося великого Дракона обратно в глубины древних легенд.

В диких Черных скалах

За бамбуковой ширмой Мэй подготовила кукол для очередного представления. Зрители в зале молча ожидали. Мэй зажгла масляную лампу, и полотно окрасилось мягким золотом. На белом холсте появились резные, острые очертания неприступных, мрачных гор.

Спектакль начался. Голос Мэй за кулисами мягкий, но в нём чувствовалась скрытая сила.

— Самая глухая дверь — это та, которую человек запер изнутри своего сердца, — тихо разнеслось по залу. — В диких Чёрных скалах, куда не заходил ни один здравомыслящий путник, в глубокой пещере жил отшельник по имени Шэнь. Некогда он был великим воином, но жестокость людей и предательство оставили на его лице и теле страшные шрамы, сделав его уродливым. Ожесточившись, Шэнь ушёл от мира. Его единственной целью было защитить своё уединение и силой прогнать любого, кто посмеет приблизиться.

На ширме Мэй вывела огромный, угловатый силуэт мужчины, чьё тело сквозь резные прорезы кожи казалось покрытым тёмными трещинами шрамов. С другого края холста появилась маленькая, хрупкая кукла девушки по имени Лань.

— Но в то утро к его горе пришла Лань. Наперекор буре и страху она искала редкие целебные травы, росшие только у вершины, чтобы спасти свою болеющую мать. Шэнь был

готов убить каждого кто приблизится, защищая свою территорию, а Лань должна была пройти, чтобы подняться выше и собрать целебные травы.

Мэй резко качнула трости, и на ширме с крутого утёса покатались резные крупные круглые камни.

— Завидев чужака, отшельник яростно закричал и принялся швырять вниз огромные валуны. Лань уворачивалась, но упрямо делала маленькие шаги вперёд. Шаг за шагом вверх. Тогда Шэнь обрушил со скалы тяжёлое бревно. Лань прижималась ближе к скалам, но продолжала идти. Бревно пролетело в пяди от девушки, местами зацепив и разорвав её платье. Лань лишь сильнее сжимала дорожный посох и продолжала подниматься. И вот она ступила на уступ, оказавшись в двух метрах от входа в пещеру, где стоял Шэнь.

Фигурки на ширме замерли друг против друга. Огромный, замахнувшийся бамбуковой дубиной, Шэнь и беззащитная, тяжело дышащая, Лань. Зрители в зале затаили дыхание.

— Шэнь шагнул ближе к Лань, ожидая увидеть в её глазах ужас, услышать крики или встретить ответную злобу. Но Лань подняла голову, посмотрела на его изуродованное шрамами лицо и тело и... не отвернулась. В её взгляде Шэнь увидел нежность и сострадание. Она бережно протянула руку и нежно коснулась его изувеченного плеча.

На полотне ширмы резная тонкая ладонь Лань мягко легла на угловатый силуэт воина. За кулисами Мэй плавно осла-

била натяжение трости Шэня и его огромная дубина медленно опустилась на землю, а плечи поникли.

— Ярость Шэня растаяла, уступив место изумлению. Он впервые за много лет опустил оружие, а его сердце оттаяло, наполняясь мягкостью.

Мэй плавно сместила бамбуковые трости, и силуэт Шэня указал рукой в глубь пещеры. Девушка убрала с полотна острые очертания горных утёсов, опустив сверху холста резные контуры пещеры. Свет масляной лампы приглушился, воссоздавая каменный полумрак.

— Он молча жестом пригласил девушку внутрь. Под сводами прохладной пещеры, они вместе развели огонь.

Мэй пододвинула маленькую лучину к изнанке кукольного костра, и пещера на холсте озарилась глубоким, уютным светом.

— Лань достала из сумки горсть высушенных цветов жасмина и зелёного чая, которые несла с собой, и опустила их в кипящую воду. Тонкий, нежный аромат мгновенно заполнил мрачную каменную пещеру.

Из чаши, которую держали обе куклы, поднялся едва заметный пар.

— Сделав глоток, Шэнь впервые рассказал о своей боли, о предательстве друзей и о том, почему он так сильно возненавидел людей и не подпускает их к своей пещере. Лань слушала его молча, разделяя его скорбь. А затем рассказала, что ищет целебные травы для лечения своей матери, ко-

торые растут ближе к вершине. Когда чай был допит, Шэнь сам повёл девушку по тайным тропам Черных скал, помог собрать целебные травы и проводил до самой долины. Нежность Лань открыла сердце воина, вернув его к жизни.

Фигурки героев медленно скрылись за краем ширмы. На опустевшем янтарном холсте остался лишь силуэт маленькой ветки дикого жасмина, чьи лепестки Мэй плавно уводила вниз.

Мэй наклонилась и мягким выдохом задула масляную лампу. Ширма погасла, а сердце каждого зрителя осталось согрето нежным ароматом жасмина.

Город из жёлтой глины

Зрители в зале замерли в полумраке. Они уже знали, что за кулисами готовится очередное новое представление для их душ.

Мэй зажгла масляную лампу, и белое полотно ширмы окрасилось ровным, янтарным светом. Девушка подняла бамбуковые трости, и на холсте появились очертания величественного, сияющего города с парящими пагодами, резными мостами и цветущими садами.

Голос Мэй звучал торжественно и неторопливо.

— Великие творения требуют безграничного терпения. В начале времён, когда земля была пуста, богиня Нюйва решила сотворить обитель непорочных душ. Три года, три месяца и три дня она бережно вылепливала город и его жителей из чистой жёлтой глины. Жителями были чистые существа Сянь, не знавшие ни зла, ни лжи, ни зависти. Самым прекрасным и сильным среди них был Чжи. Ему богиня доверила охранять покой этого места.

На ширме Мэй вывела изящный силуэт Чжи, который гордо высился над башнями города. С нижнего края холста, прямо из темной рамки, стремительно поползли чёрные, извивающиеся змеиные тени.

— Но в глубоком мраке подземного мира злые духи, демоны Яогуаи, сгорали от зависти. Они не могли вынести чи-

стоты и красоты этого города. Обернувшись прекрасными молодыми девушками в сияющих шелках, две самые хитрые из них проникли за ворота. Их звали Су и Ронг. Они окружили Чжи, засыпая его сладкой лестью. Каждый день они напевали ему о том, какой он безупречный, великий и превосходящий всех остальных жителей. И этот сладкий яд затмил разум Чжи. Гордыня пустила корни в его сердце. Су и Ронг неделями внушали ему, что эти земли должны принадлежать только ему, а город непорочных душ нужно сравнять с землёй, убив каждого, кто в нем живёт.

Мэй резко покачала лампу, заставив тени на ширме зловеще удлиниться, а также накрыла лампу бордовым шёлком. Свет холста сменился на тревожный, багровый.

— И вот в день X, ослеплённый лестью, Чжи поднял оружие на своих братьев. За один час сияющая обитель превратилась в безлюдные руины. В ярости он сжёг прекрасные пагоды и уничтожил всех жителей города, оставив за собой лишь обугленное пепелище. Когда последний стон затих, Чжи замер посреди руин в полном одиночестве. И в этот миг морок спал. Прекрасные девы Су и Ронг сорвали свои маски, показав истинные лица.

На ширме их силуэты жутко исказились, превращаясь в кошмарные облики злых духов с когтями и клыками.

— Злые духи громко хохотали и радовались содеянному, указывая пальцами на пепел. И только тогда Чжи осознал, что совершил непоправимое, и ужас сковал его изнутри.

Полотно ширмы внезапно озарилось привычным жёлтым светом, не оставив ни одной багровой тени. Мэй вывела сверху холста величественную, фигуру богини Ньювы. Злые духи Су и Ронг в страхе забились в углы ширмы и постепенно исчезли.

— Ньюва увидела содеянное. Её сердце было разбито. Она внимательно посмотрела на дрожащего Чжи и произнесла: «Три года я бережно грела в ладонях каждый комочек этой жёлтой земли. Тебе же хватило одного короткого часа, чтобы обратить все в прах. Но теперь ты познаешь истинную цену каждого кирпичика. Ты останешься здесь один. Ты будешь заново на этом пепелище, своими руками, строить новый город».

На ширме богиня плавно взмахнула широким кожаным рукавом, и вокруг плачущего Чжи пролегла невидимая, едва заметная светящаяся линия, очертившая границы разрушенного города.

— Чтобы ни злые духи и никто более никогда не смогли втереться к нему в доверие, обмануть его и пробраться внутрь, Ньюва возвела вокруг пепелища невидимый щит. Ни одно живое существо, никакие злые и добрые духи больше не могли пробиться сквозь эту защиту. Чжи остался в абсолютном уединении.

Мэй медленно увела фигуру богини вверх, оставив на ширме одинокий силуэт Чжи, который сидел на земле, а вокруг него лежали обломки пагод.

— Поговаривают, что Чжи до сих пор бродит под невидимым щитом среди руин. Ему так и не удалось построить новый город. Он упрямо собирает по кусочкам жёлтую глину, но новые стены осыпаются в его ладонях.

Фигурка Чжи и обломки зданий медленно растворились в темноте по краям ширмы. На опустевшем янтарном холсте остался лишь резной силуэт маленького комочка жёлтой глины, который Мэй плавно увела вниз.

В зале стояла тишина. Каждый зритель сидел неподвижно, заглядывая в глубину собственного сердца. Тишина руин Чжи безмолвно отзывалась в душе каждого.

Мэй наклонилась и мягким выдохом задула масляную лампу. Белое полотно мгновенно погасло, а зрители остались, ожидая новую историю.

Благословение лунного старца

За кулисами велась подготовка к очередной истории. Зрители знали, что в этот вечер масляная лампа Мэй зажжётся ещё не раз, чтобы согреть их души.

Девушка натянула позади экрана прозрачную темно-синюю ткань и аккуратно поправила лампу. Белое полотно озарилось темно-синим сумеречным светом. Мэй подняла бамбуковые трости, и на ширме появились резные силуэты двух домов, стоявших на противоположных концах ширмы, имитирую улицу.

Притча началась. Голос Мэй звучал мягко, словно убаюкивающая ночная песня.

— В старом тихом городе на разных концах одной улицы жили двое. Юноша по имени Лун мастерски создавал из тонкой бумаги удивительные праздничные фонарики. А девушка по имени Цэнь искусно играла на бамбуковой флейте. Но их таланты были сокрыты от мира. Фонарики Луна светили лишь в его пустой комнате, а музыка Цэнь звучала грустно под сводами её дома. Каждый из них хранил свой талант от глаз других.

На ширме Мэй вывела силуэт Луна, который бережно зажгёт внутри бумажного фонарика маленькую свечу. Мэй поднесла к ширме яркий огонёк, и кукольный фонарик на холсте вспыхнул тёплым светом.

— В канун праздника Луны, когда невидимый старец Юэлао решает связать судьбы людей красной нитью, Лун решил вывесить своё лучшее творение за окно. Он бережно привязал фонарик к раме длинной алой ниткой. Но у лунного старца были свои планы. Лёгкий порыв ночного ветра ласково коснулся узла, развязал шёлковую нить и подхватил светящийся фонарик. Тот медленно поплыл во мраке улицы.

Мэй плавно сместила бамбуковую трость, и красный фонарик на ширме медленно, покачиваясь, полетел через все полотно. Свет от него преломлялся, и сквозь ночную тьму экрана за ним тянулся тонкий, яркий, как стрела, алый луч света — световая нить судьбы. Мэй создала этот эффект с помощью тонкого лазерного луча, который пустила от фонарика в основание ширмы.

— Фонарик летел сквозь темноту, пока ветер бережно не опустил его прямо на подоконник открытого окна Цэнь. Девушка ахнула от удивления, глядя на неожиданное ночное волшебство, согревшее её комнату ярким алым светом. Цэнь ощутила, как на её лице родилась улыбка, а в её сердце небывалая радость. Она поднесла к губам бамбуковую флейту и сочинила весёлую песню, прославляющую свет.

На ширме Мэй подвела фигурку Цэнь к окну, и над её домом взлетели тонкие резные линии, обозначающие звуки флейты.

— В это время Лун, увидев, что его творение улетело, и отправился на поиски. Ночью в спящем городе горящую све-

чу было видно издалека. Юноша шёл на этот далёкий огонёк и вскоре замер у незнакомого порога. Но больше, чем свет своего фонарика, его поразила музыка. Он стоял под окном Цэнь, заворожённый весёлой песней, которую девушка сотворила благодаря его улетевшему фонарику. Радость Луна преумножилась в сотни раз, когда он понял, что его свет подарил кому-то вдохновение.

Фигурки Луна и Цэнь на ширме встретились у порога дома Цэнь. Мэй бережно сблизила их, и алый световой луч замкнулся между ними, связав их силуэты вместе.

— Так они познакомились. И в честь своей встречи, желая разделить своё счастье со всеми, Лун и Цэнь подарили эту красивую традицию городу, создав спустя некоторое время великий фестиваль фонарей (Юаньсяоцзе).

Декорации на ширме пришли в движение. Темно-синяя ночная ткань уступила место чистому янтарному свету. Снизу экрана Мэй начала поднимать десятки, крошечных резных фонариков. Они взмывали вверх, заполняя всё пространство холста, словно светящиеся искры. Из-за ширмы раздалась нежная, многоголосая музыка флейты.

— С тех пор каждую весну в небо взмывают множество фонариков, делая ночную мглу светлой, словно днём. А в это время звучат бамбуковые флейты. Радость двух сердец вырывается наружу, и согревает всю Поднебесную, одаривая счастьем каждого жителя или гостя.

Фонарики замерли в верхней части ширмы, образовав

огромный, сияющий золотом древний символ «Двойного счастья».

Лица зрителей озарились искренними улыбками. Каждый чувствовал, как тепло фестиваля фонариков коснулось его собственного сердца.

Мэй сделала небольшую паузу, чтобы каждый сидящий в зале мог подольше побыть с этой теплотой, и задула масляную лампу. Белое полотно мгновенно погасло, но в душах людей ещё горели те самые невидимые фонарики.

Комок грязи

Зрители в зале понимали, что Мэй стала для них проводником в мир древней мудрости, поэтому новой истории ожидали в тишине, затаив дыхание.

За ширмой Мэй бережно зажгла масляную лампу. Холст озарился тёплым золотым светом. Девушка подняла бамбуковые трости, и появились очертания угрюмого города с домами и резным горбатым мостом через широкую реку.

Спектакль начался. Голос Мэй звучал тише обычного, чтобы проникать в самое сердце.

— Истинная чистота не ищет безупречного места, чтобы явить себя миру. В захудалом приграничном городке на берегу илистой реки жили люди, чьи души давно ожесточились. Вся их жизнь состояла из мелких обид, зависти и злобы. Горожане постоянно издевались друг над другом, устраивали пакости, насмехались над чужими бедами и промышляли издевательствами. Общество напоминало саму городскую реку — мутную, грязную, полную тёмного ила. Среди этого уныния жил молодой мастер по имени Ницю. Когда-то в детстве его нашли на илистом берегу, он был чумазым и немного походил на кусок земли. Жестокие горожане в насмешку называли подкидыша Ницю, что означало «комок грязи», и это прозвище осталось с ним вместо имени на всю жизнь. Жители постоянно издевались над ним и троллили за

то, что он не участвовал в их пакостях, а вечно ковырялся с бамбуком и бумагой. Его считали никчёмным чудаком. Живя одиноко в своей коморке, Ницю создал маленькое чудо. И чтобы скрыть его от злых горожан, он обмазал его речным илом снаружи и обклеил сухой серой бумагой.

На ширме Мэй вывела силуэт Ницю, который держал в руках плотный, бесформенный круглый шар. С другого края холста появились угловатые фигурки горожан, которые толкали друг друга и жестикулировали, изображая ссору. Они двигались к мосту.

— В вечер праздника Поминовения духов, Ницю решил явить своё чудо всем, и понёс его в центр города. Дорога лежала через мост. Когда на мосту вспыхнула очередная склока, озлобленные горожане окружили Ницю, готовые разломать его хрупкую вещь. Пытаясь спасти своё творение от их жестоких рук, Ницю пробился к перилам и сбросил серый шар с моста в тёмную реку. Толпа разразилась хохотом и язвительными издевательствами: «Глядите, комок грязи сам утопил в реке свою никчёмную поделку!»

Мэй плавно сместила трость, и тёмный шар на ширме мягко покачнулся, уносимый потоком реки. На мосту фигурки людей продолжали указывать на него пальцами.

— Ницю оставался непоколебим. Он сделал шаг назад, вскинул лук, натянул тетиву и пустил огненную стрелу вслед уплывающему шару.

Мэй совершила молниеносный, отточенный трюк. За

ширмой, где стоял Ницц, через полотно ширмы пронёсся тонкий, яркий алый луч света — огненная стрела. Мэй создала эффект с помощью тонкого лазерного луча, направленного вдоль основания экрана. Зрители в зале ахнули, когда световой луч с безупречной точностью ударил ровно в центр плывущего по реке серого комка.

— Жители на мосту застыли, прервав свои издёвки. Огненная стрела пробила плотную серую оболочку и зажгла скрытую глубоко внутри масляную свечу. От жара огня и прибывающей воды потайные бамбуковые пружины внутри шара пришли в движение. Плотная серая бумага, облепленная илом, начала стремительно намокать и расправляться. И в этот миг перед ошеломлёнными горожанами развернулось настоящее чудо. Бесформенный шар прямо посреди илистой реки начал медленно раскрываться, превращаясь в роскошный, ажурный цветок лотоса. Горящая свеча озарила его лепестки изнутри, заставляя их сиять в ночи.

Пальцы Мэй за кулисами плавно развели в стороны скрытые нити. Бесформенный шар на глазах у зрителей расцвёл, превратившись в сияющий лотос-фонарь. Тёплый свет лампы пробил резные прорезы, и по всей ширме, поплыли живые, танцующие блики.

— Склоки на мосту мгновенно утихли. Злые насмешки застыли на губах горожан. Они заворожённо смотрели вниз, а затем переводили взгляд на Ницц. Парень, над которым они всю жизнь издевались и считали его чудаком, посреди

грязной воды, явил миру ослепительную красоту своего таланта. Горожане стояли в полной тишине, наблюдая, как по реке плывёт большой красивый цветок. Впервые в жизни на их хмурых лицах появились искренние улыбки и детское удивление. Люди задумались о том, как из самых простых вещей, что всегда были под рукой, мастер смог сотворить такое хрупкое чудо, вернувшее им способность радоваться. Лотос уплывал все дальше, унося с собой мглу людских сердец. Ницю молча опустил лук, провожая взглядом сияющий на воде лотос, в котором уже невозможно было узнать прежний серый кокон.

Мэй плавно увела цветок за край холста, а за ним и фигурку Ницю. Горожане покидали ширму последними. Медленно и как будто нехотя.

Мэй сделала небольшой вдох и на выдохе задула масляную лампу. Белое полотно окончательно погасло. Спектакль завершился.

Постепенно тишина в зале переросла в гром оглушительных аплодисментов. Зрители плакали и улыбались одновременно, понимая, что сегодняшний вечер у Мэй навсегда изменил их самих.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.